

Стахеев Дмитрий Иванович

Законный брак: Роман

Издание 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Законный брак: Роман: Издание 2 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 243 с.

ISBN 978-5-519-75392-0

ISBN 978-5-519-75392-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Въ общемъ присутствіи камской губернской палаты, за большимъ зеленымъ столомъ, посрединѣ котораго стояло зеркало, сидѣли трое: управляющій палатой, Викторъ Викторовичъ Щетининъ, и два члена: Сергѣй Ѳомичъ Ястребовъ и Леонидъ Леонидовичъ Хмелинскій.

Щетининъ былъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, коренастъ, курчавъ, съ загорѣлымъ лицомъ и съ большой уже серебрившейся бородой; Ястребовъ помоложе его лѣтъ на десять на двѣнадцать, высокъ, тонокъ, блѣднолицъ, съ орденомъ на шеѣ и держался такъ прямо, точно онъ былъ крѣпко зашнурованъ въ узкій корсетъ; а Хмелинскій совсѣмъ молодой человѣкъ, всего лѣтъ подѣ тридцать, брюнетъ въ очкахъ, усики завитками, сидѣлъ развалился и играя брелками своей цѣпочки.

Всѣ трое только что успѣли за столъ, чтобы открыть засѣданіе общаго присутствія палаты, въ которомъ Сергѣй Ѳомичъ Ястребовъ являлся новымъ членомъ, всего какихъ нибудь дней шесть тому назадъ прибывшимъ на службу въ Камскъ изъ Петербурга.

— Ну-съ, приступимъ! сказалъ управляющій, развертывая одно дѣло, и тотчасъ же началъ его читать, уложивъ на столъ руки съ локтями.

Ястребовъ внимательно сталъ вслушиваться въ чтеніе и по временамъ дѣлалъ даже карандашомъ замѣтки, на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги, и хмурился. Хмелинскій наклонился надъ своимъ листомъ и что-то черкалъ на немъ карандашомъ. Изъ его черканья чрезъ нѣсколько вре-

мени вышло очень удачное изображеніе молоденькой женщины, одѣтой въ одни только панталончики и съ несоразмѣрнымъ притомъ развитіемъ заднихъ частей тѣла. Глянувъ искоса на Ястребова, тоже поглядывавшаго исподлобья на его работу, Хмелинскій быстро замаралъ свое произведеніе и перевернулъ листъ на другую чистую сторону. Управляющій, наконецъ, дочиталъ дѣло и, положивъ его на столъ, откинулся на спинку стула, предоставляя такимъ образомъ членамъ сказать свое слово. Хмелинскій молчалъ, ожидая, что скажетъ Ястребовъ, и уже делъалъ въ душѣ намѣреніе возразить ему. Ястребовъ молчалъ, ожидая, что скажетъ Хмелинскій, намѣреваясь обокимъ, и Хмелинскому и управляющему, сдѣлать сюрпризъ.

— Ну-съ, господа члены, извольте высказать свое мнѣніе, предложилъ управляющій.

Сергій Ѳомичъ осторожно положилъ карандашъ на листъ бумаги, даже нѣсколько придавилъ его къ листу и началъ мѣрнымъ и тихимъ голосомъ, что на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей закона и циркуляровъ его выс—ства господина министра за такими-то нумерами отъ такого-то года и числа, дѣла, подлежащія разсмотрѣнію въ общемъ присутствіи палаты, прочитываются членами наканунѣ дня засѣданія для предварительнаго и болѣе подробнаго ознакомленія съ ихъ сущностію. Сказавъ это, онъ, повидимому, съ глубокимъ сожалѣніемъ заявилъ, что втеченіи прошлаго дня ожидалъ изъ палаты къ себѣ на квартиру дѣлъ, но не дождался, чѣмъ и былъ не мало пораженъ. Пока онъ говорилъ, управляющій началъ въ свою очередь черкать что-то карандашемъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги. Если бы Ястребовъ могъ поближе наклониться къ этому листу, то увидѣлъ бы на немъ, хотя и слабо начертанное, но довольно определенное изображеніе осла съ длинными ушами. Можетъ быть, именно изъ предосторожности управляющій, вдругъ спохватившись, поспѣшно зачеркалъ рисунокъ и отодвинулъ отъ себя листъ въ сторону, очевидно для того, чтобы снова не увлечься какимъ-нибудь рисункомъ. Скрестивъ за тѣмъ на груди руки, онъ сталъ

смотря прямо въ глаза Ястребову, точно говоря этимъ взглядомъ: «видите, я слушаю внимательно, не смотря на то, что ни съ однимъ изъ сказанныхъ вами словъ не согласенъ». Ястребовъ окончилъ заявленіе и сталъ разсматривать свои длинныя, тонкія пальцы. Управляющій продолжалъ на него смотреть, какъ будто все еще вслушивался въ звуки его тихой и вкрадчивой рѣчи, не смотря на то, что въ это время уже говорилъ Хмелинскій и говорилъ совсѣмъ не тихо и не вкрадчиво, а съ задоромъ и очень громко и съ большою поспѣшностію. Сохраняя попрежнему упорное молчаніе, управляющій перевелъ свой взглядъ на Хмелинскаго, но теперь этотъ взглядъ не былъ сосредоточеннымъ, скорѣе недовольнымъ и сердитымъ.

Возражая Ястребову, Хмелинскій никакихъ указаній ни на законы, ни на циркуляры, а тѣмъ болѣе на нумера, годы и числа не дѣлалъ, а прямо началъ съ того, что «въ наше время, когда», и сослался даже на какую-то передовую статью петербургскихъ вѣдомостей.

Пока онъ говорилъ, управляющій хмурился и даже поначалъ головой при одной какой-то его фразѣ, почему-то показавшейся ему крайне легкомысленной. Ястребовъ слушалъ тоже молча, но уже совершенно безучастно, и пока Хмелинскій говорилъ, онъ ничѣмъ не выразилъ ни насмѣшки, ни порицанія, точно все говоренное Хмелинскимъ и въ какомъ отношеніи его не касалось. Вѣроятно, все это вывело, наконецъ, управляющаго изъ терпѣнія, онъ посмотрѣлъ на часы, потомъ отшвырнулъ въ сторону карандашъ и убѣдительною тономъ сказалъ:

— Видите, Сергей Ѳомичъ, сколько времени потрачено даромъ. Сидимъ да болтаемъ Богъ знаетъ что, а дѣло, какъ говорится, ни туру, ни ну... А вѣдь все оттого, что вы дѣлаете совершенно неумѣстную придирку и безпричинно, такъ вотъ «здорово живешь».

— Въ чемъ это придирка, позвольте узнать?... вкрадчиво и тихо спросилъ Ястребовъ.

Хмелинскій не выдержалъ и выѣхался въ разговоръ.

— А въ томъ именно, милостаръ, запальчиво началъ

онъ, что вы основываетесь только на буквѣ закона, всегда обоюдоострого...

— Позвольте, Леонидъ Леонидовичъ, строго сказалъ ему управляющій, если мы все въ одно время будемъ говорить, то какой же будетъ толкъ изъ этого? Видите, Сергѣй Ѳомичъ, обратился онъ къ Ястребову, вы выдаете себя за ревностнаго чиновника, а между тѣмъ отнимаете у меня и у Леонида Леонидовича и у себя совершенно напрасно время, заставляете меня читать цѣлый докладъ, имѣя въ виду опротестовать самое засѣданіе.

— Вы изволили такъ быстро приступить къ чтенію, что я не успѣлъ вамъ возразить, а прервать чтеніе не нашель удобнымъ, скромно отвѣтилъ Ястребовъ.

Хмѣлинскій опять не выдержалъ и даже привскакивалъ со стула, намѣреваясь возражать, но управляющій остановилъ его на первомъ же словѣ. Леонидъ Леонидовичъ немножко какъ будто и сконфузился, недовольный тѣмъ, что ему совсѣмъ не даютъ говорить, однако же замолчалъ и сердито поправилъ свои очки. Потомъ, уже видимо для того, чтобы насколько возможно явственнѣе выразить свое пренебреженіе къ Ястребову, онъ быстро повернулся въ креслѣ бокомъ къ нему и сталъ смотрѣть куда-то въ уголъ, покачивая носкомъ ярко-вычищеннаго сапога. Управляющій и Ястребовъ не обратили на это движеніе Хмелинскаго ни какого вниманія и продолжали говорить.

— Хорошо, положимъ такъ, согласился управляющій, обращаясь къ Ястребову, я поторопился приступить къ чтенію, но вѣдь самый вашъ протестъ есть совершенно неумѣстная придирка.

Ястребовъ молча протянулъ руку за карандашемъ и сталъ его вертѣть между двухъ пальцевъ, спокойно выслушивая, что ему говорилъ управляющій. Потомъ онъ, не спѣша, не возвышая голоса, ровно, медленно и безстрастно отвѣтилъ.

— Если исполненіе въ точности закона есть, по вашему мнѣнію, придирка, то, въ такомъ случаѣ, извольте составить о моей такой придирчивости журналъ и препро-

водите его въ департаментъ для надлежащаго поступленія со мною по законамъ.

Во время этого отвѣта Ястребова, управляющій сложилъ въ одну массу дѣла, подлежащіе въ этотъ день разсмотрѣнію и, приподнимаясь со стула, сказалъ съ злобной улыбкой.

— Ну, если мы о каждомъ нашемъ спорѣ, въ сущности не стоящемъ выѣденнаго яйца, будемъ составлять журналы и посылать ихъ въ департаментъ, то насъ съ вами попросятъ по добру по здорову убраться вонъ...

— Что же, если заслужимъ и не будемъ имѣть достаточныхъ основаній къ оправданію.

Управляющій, наконецъ, не выдержалъ и, возвысивъ голосъ на нѣсколько нотъ сразу, сказалъ.

— Да вы что только о себѣ говорите? Вы о дѣлѣ подумайте! Вѣдь оно будетъ стоять за нашими-то блязами! Вѣдь вотъ мы сегодня трое съ вами убили день понапрасну, а сколько мы за него возьмемъ? Вѣдь мы тридцать пять рублей за эту пустую-то нашу болтовню получимъ, вѣдь крестьянинъ, съ котораго собираются деньги, чтобы намъ платить, вѣдь онъ за эти деньги три мѣсяца проработаетъ въ потѣ лица. Охъ, господинъ Ястребовъ, стыдно!

Онъ совершенно красный вышелъ изъ-за стола, сердито отодвигая въ сторону ногой свое кресло, потомъ растворилъ дверь присутствія и крикнулъ изъ сосѣдней комнаты секретаря.

— Возьмите дѣла, отрывисто сказалъ онъ: засѣданіе откладывается до послѣзавтра. Пошлите сегодня бумаги къ г. Ястребову, завтра къ Хмелинскому.

И Ястребовъ и Хмелинскій вышли изъ комнаты общаго присутствія. Хмелинскій, выходя изъ комнаты общаго присутствія, высоко закинулъ голову прошелъ чрезъ секретарскую комнату съ такимъ важнымъ видомъ, точно онъ вдругъ получилъ значительное повышеніе по службѣ. Прошелъ онъ такъ, впрочемъ, не потому, что важничалъ предъ другими чинами палаты, ниже его стоявшими, а именно, чтобы опять таки выказать къ тому же Сергѣю Омичу

Ястребову свое пренебреженіе, такъ какъ этотъ самый ненавистный ему Сергій Ѳомичъ шелъ за нимъ слѣдомъ, и шолъ онъ, нужно замѣтить, весьма медленной и скромной поступью. Въ палатскихъ комнатахъ вдругъ стало тихо. Управляющій затворился въ комнатѣ общаго присутствія, гдѣ онъ остался одинъ, видимо разсерженный. Члены, Хмелинскій и Ястребовъ, тоже затворились въ своихъ комнатахъ, и послѣ только что затихшаго громкаго говора явственно слышно было, какъ секретарь, сторбившись надъ своими бумагами, чертилъ перомъ строчку за строчкой.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ прекращенія несостоявшагося засѣданія, третій членъ палаты, болѣзненный и дохлый робкій человѣкъ, Егоръ Ивановичъ Ведеринъ, ничего не знавшій о происшедшемъ въ общемъ присутствіи, выползъ было изъ своей комнаты, намѣреваясь идти въ управляющему съ докладомъ.

— Куда вы, Егоръ Ивановичъ! остановилъ его секретарь, осторожно шмыгнувъ къ нему навстрѣчу и еще издали махая обѣими руками по направленію отъ себя.

— Докладъ несу, шопотомъ отвѣтилъ Егоръ Ивановичъ, заранѣе уже чувствуя, какъ у него задрожали ноги при видѣ встревоженной фигуры секретаря.

Секретарь что-то пошепталъ ему, помахалъ руками, оглядываясь при этомъ назадъ, и Егоръ Ивановичъ тихо, на кончикахъ пальцевъ зашагалъ обратно къ себѣ наверхъ, глубоко вздыхая и что-то нашептывая себѣ подъ носъ.

Онъ шепталъ молитву.

ГЛАВА II.

До конца присутствія, то есть до того времени, пока стѣнные часы не сдѣлали столь милые чиновничьему сердцу три удара, оставалось еще часа полтора, въ продолженіи которыхъ управляющій не выходилъ изъ своей комнаты. Вся палата уже знала, что общее засѣданіе не состоя-

лось по протесту Ястребова и что управляющій не въ духѣ.

Вскорѣ послѣ тревожнаго отступленія Егора Ивановича бойко влетѣлъ въ секретарскую одинъ изъ вольнонаемныхъ писцовъ, Пищалинъ, и началъ спорить съ секретаремъ, требуя права на входъ къ управляющему.

— Это стѣсненіе свободы! громко говорилъ онъ, въ отвѣтъ на убѣдительные доводы секретаря. Мы необходимо нужно переговорить съ управляющимъ по своимъ дѣламъ...

— Уйди ты, шепталъ секретарь, какія теперь свои дѣла. Управляющій сердитъ — себѣ только нагадишь...

— Вы тыкать меня не смѣете. Всѣ люди равны. Я, можетъ быть, еще пообразованнѣ васъ. Я въ гимназіи воспитывался...

— Чего ты суешь подъ носъ гимназію-то! Вѣдь ты изъ перваго класса за неспособность исключенъ...

— Анъ не изъ перваго, а изъ четвертаго, и совсѣмъ не за неспособность, а за отвращеніе къ латыни.

Пищалинъ сдѣлалъ новый шагъ къ дверямъ комнаты управляющаго. Секретарь загородилъ ему дорогу.

— Не ходи, говорю тебѣ, безъ тебя тутъ много хлопотъ...

— Я закричу, когда такъ...

— Не смѣешь! Онъ тебѣ задастъ...

— Пустите, говорю вамъ! въ самомъ дѣлѣ уже закричалъ Пищалинъ.

— Что за шумъ? вдругъ растворивъ двери, гнѣвно спросилъ управляющій.

— Да вотъ Пищалинъ неизвѣстно зачѣмъ...

Пищалинъ немного сконфузился и оробѣлъ, видя управляющаго разсерженнымъ, но скоро овладѣлъ собою, и только лицо его, смутное и угреватое, сдѣлалось почти коричневымъ. Онъ бойко подернулъ плечами и смѣло выступилъ впередъ.

— Помилюте, Викторъ Викторовичъ! Это что же такое, это посягательство на личную свободу, громко заговорилъ онъ, лохматя свои п безъ того лохматые волосы.

Управляющій мрачно окинулъ его съ головы до ногъ.

— Ну что же вамъ нужно? сурово спросилъ онъ. Говорите короче.

— Прибавьте мнѣ жалованья, я не могу за десять рублей гнуть спину съ утра до вечера.

Управляющій молча пожалъ плечами.

— Это, наконецъ, что же такое? Вы получаете больше трехъ тысячъ, а мнѣ десять рублей по вашему много?.. Я думаю, всѣ должны быть равны.

Улыбка скользнула по лицу Щетинина. Секретарь, стоявшій около своего стола, фыркнулъ и прикрылъ ротъ ладонью, удерживаясь отъ смѣха.

— Видите, какое впечатлѣніе производятъ ваши рѣчи...

— Да это что! отвѣтилъ Пищалинъ, съ пренебреженіемъ взглядывая на секретаря,—онъ человѣкъ простой, неразвитый...

Управляющій повернулся, чтобы идти обратно къ себѣ въ комнату. Пищалинъ загородилъ ему дорогу:

— Викторъ Викторовичъ, вы прибавьте... Ей Богу, нужны деньги.

— Посторонитесь! коротко и строго сказалъ управляющій.

— Да ятъ, что же это въ самомъ дѣлѣ... Я вѣдь не шути вамъ говорю. Мнѣ, ей Богу, мало десяти рублей въ мѣсяцъ...

— Пустите же, наконецъ! Какъ вы можете загородивать дорогу?

Секретарь подскочилъ къ Пищалину и потянулъ его за руку. Пищалинъ вдругъ разсвирѣпѣлъ.

— Какъ вы смѣете меня хватать за руки? Это насиліе! Господинъ управляющій, вы что же смотрите? Какое же вы послѣ этого начальство! Вы всѣ эгоисты, деспоты, вы жадные, только себѣ карманы набиваете, закричалъ онъ, размахивая руками.

— Ну, уберите его! сказалъ, хмурясь, управляющій и, уходя, добавилъ секретарю:

— Исключите изъ службы... Довольно, сколько разъ уже я прощалъ ему грубости!..

Въ это время сторожъ, явившійся изъ передней на зовъ секретаря, безцеремонно подхватилъ Пищалина за руку. Онъ упирался и продолжалъ кричать.

На крикъ вышелъ изъ своей комнаты Сергѣй Ѳомичъ.

— Что это такое? спросилъ онъ.

— Да вотъ-съ, ваше благородіе, управляющему грубить. Приказано убраться.

— Какъ управляющему? заинтересовался Сергѣй Ѳомичъ. Оставь его.

Сторожъ молча вышелъ въ переднюю, а Пищалинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ себя поправлять пятерней волосы и совершенно непринужденно смотрѣлъ на Сергѣя Ѳомича.

— За что это васъ такъ? милостиво спросилъ Ястребовъ.

— Да что-о! небрежно отвѣтилъ Пищалинъ — невѣжество! Я просилъ прибавить мнѣ жалованье и вмѣсто 10 рублей дать 15, а управляющій отказалъ. Ну, разумеется, я его и отдѣлалъ. Чортъ его возьми, будто я безъ него не найду себѣ мѣсто.

— А*а! протянулъ Ястребовъ. Какъ же это такъ, вы, насколько я могъ убѣдиться, такой старательный и усердный служака, и вдругъ... Это странно.

Сергѣй Ѳомичъ многозначительно нахмурился.

— Идите за мной.

Пищалинъ при этихъ милостивыхъ словахъ такого важнаго начальника, какимъ казался ему до сихъ поръ Сергѣй Ѳомичъ, совсѣмъ растерялся. За минуту передъ тѣмъ онъ смутно соображалъ, что напакостилъ себѣ самъ, не зная зачѣмъ и вдругъ слышитъ что-то похожее на участіе отъ такого человѣка, отъ котораго участія всего меньше можно было ожидать. Онъ недоувѣрчиво посмотрѣлъ на Сергѣя Ѳомича, однако же пошелъ за нимъ слѣдомъ, и спустя минуту десять веселый и улыбающійся вышелъ изъ его комнаты съ кипой бумагъ.

— Ну, что взяли? задорно крикнулъ онъ секретарю въ

дверь, проходя мимо его комнаты, — вы мнѣ отказали отъ мѣста, а я получилъ новое, да еще получше вашего...

— Проваливай, проваливай, отвѣтилъ секретарь.

— Ладно, самъ проваливай. Не очень я теперь тебя и твоего управляющаго боюсь: я теперь самъ секретарь.

И торжествующій Пищалинъ развязно вышелъ изъ Палаты. Онъ былъ теперь счастливъ, получивъ неожиданно мѣсто тамъ, гдѣ его никакъ не предполагалъ. Сергѣй Оомичъ взялъ его къ себѣ на частную службу и взялъ только для того, чтобы сдѣлать этимъ управляющему не-пріятность.

ГЛАВА Ш.

Пищалина Сергѣй Оомичъ возвелъ въ званіе своего домашняго секретаря и скоро такъ его вышколилъ, что онъ не обнаруживалъ никакого посягательства не только развалиться, напимѣръ, на диванъ въ его квартирѣ, къ чему сначала имѣлъ склонность, но даже и сѣсть въ его присутствіи не рѣшался. Все это Сергѣй Оомичъ устроилъ необыкновенно просто, при томъ безъ всякаго спора и даже безъ малѣйшей траты-излишней суммы денегъ, сверхъ опредѣленнаго Пищалину жалованья. За деньги Пищалинъ и не согласился бы такъ жестоко смирить себя. Нужно было найти какой-нибудь другой способъ, при помощи котораго онъ ограничилъ бы свои порывы на равноправность и самостоятельность. Этотъ способъ Сергѣй Оомичъ открылъ. Оказалось, что и большого труда для этого не требовалось, стоило помянуть Пищалина Петербургомъ, о которомъ онъ мечталъ, какъ о такомъ мѣстѣ, гдѣ его только и недоставало. Довелъ его Сергѣй Оомичъ, наконецъ, до того, что онъ подчинился строжайшимъ условіямъ, во-первыхъ, не вступать ни въ какіе споры, а главнѣйшимъ образомъ, рассказывая городскія новости, не употреблять громкихъ словъ, въ родѣ: «человѣчество, прогрессъ, цивилизація» и т. п. Эти слова Сергѣй Оомичъ